

Кир Булычев

**ЗАКОН
ДЛЯ ДРАКОНА**

Доктор Павлыш

Кир Булычев

Закон для дракона

«ЭКСМО»

1975

Булычев К.

Закон для дракона / К. Булычев — «Эксмо», 1975 — (Доктор Павлыш)

«Павлыш проснулся за десять секунд до того, как по внутренней связи его вызвали на мостик. Проснулся, потому что работали вспомогательные двигатели. Если не жить долгие месяцы внутри громадного волчка, который стремительно ввинчивается в пустоту, почти неуловимый гул вспомогательных двигателей не вызовет тревоги. Но еще не зная, что произошло, Павлыш сел на койке и, не открывая глаз, прислушался. А через десять секунд щелкнул динамик, и голос капитана произнес:— Павлыш, поднимитесь ко мне...»

© Булычев К., 1975

© Эксмо, 1975

Содержание

1	5
2	7
3	8
4	9
5	10
6	11
7	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Кир Булычев

Закон для дракона

... Вся Африка наполнена слонами, львами, барсами, верблюдами, обезьянами, змиями, драконами, страусами, казуриями и многими другими лютыми зверьями, которые не только проезжим, но и жителям самим наскучили.

Иван Стафенгенден. «География», С.-Петербург, 1753 год.

1

Павлыш проснулся за десять секунд до того, как по внутренней связи его вызвали на мостик. Проснулся, потому что работали вспомогательные двигатели. Если не жить долгие месяцы внутри громадного волчка, который стремительно ввинчивается в пустоту, почти неуловимый гул вспомогательных двигателей не вызовет тревоги. Но еще не зная, что произошло, Павлыш сел на койке и, не открывая глаз, прислушался. А через десять секунд шелкнул динамик, и голос капитана произнес:

– Павлыш, поднимитесь ко мне.

Капитан сказал это сухо, быстро, словно был занят чем-то совсем иным, когда рука протянулась к кнопке вызова. Капитан оторвался от своих дел ровно на столько, чтобы сказать четыре слова.

Снова шелчок. Тихо. Лишь настырно, тревожно, как еле слышная пожарная сирена, гудят вспомогательные двигатели – корабль меняет курс.

В штурманском углу мостика горел свет. Глеб Бауэр рассматривал на экране звездный атлас. Капитан стоял у пульта и курил, слушая по связи старшего механика. Потом ответил:

– Надо сделать так, чтобы хватило. Мы не можем задерживаться.

– Привет, доктор, – сказал Глеб.

Павлыш увидел на экране перед Бауэром объемный снимок планеты. Сквозь завихрения циклонов проглядывали зеленые и голубые пятна.

– Что случилось? – спросил он тихо, чтобы не отвлекать капитана.

– Берем больного. Срочный вызов, – ответил Бауэр.

Капитан набирал на пульте данные, которые передали механики.

– Должно получиться, – решил он наконец.

Он отошел от пульта и показал Павлышу на потертое «капитанское» кресло, в котором сам никогда не сидел, но как хозяин непременно предлагал посетителям. «Попасть в кресло» означало серьезный и не всегда приятный разговор.

– Садитесь и прочтите, что мы от них получили. Немного, правда, но вы поймете.

Павлыш уселся в кресло и повернулся к экрану, где возникли голубые буквы гравиграмм.

«БАЗА-14 КОСМИЧЕСКОМУ КОРАБЛЮ «СЕГЕЖА». СРОЧНО.

СТАНЦИЯ НА КЛЕРЕНЕ ЗАПРАШИВАЕТ МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ. КРОМЕ ВАС, В СЕКТОРЕ НИКОГО НЕТ. СООБЩИТЕ ВОЗМОЖНОСТИ».

Вторая гравиграмма:

«БАЗА-14 КОСМИЧЕСКОМУ КОРАБЛЮ «СЕГЕЖА». СРОЧНО.

ВАШ ЗАПРОС СООБЩАЕМ. СВЯЗЬ С КЛЕРЕНОЙ НЕУСТОЙЧИВА. ПОДРОБНОСТИ НЕИЗВЕСТНЫ. ДАЕМ ПОЗЫВНЫЕ СТАНЦИИ.

ЕСЛИ НЕ СМОЖЕТЕ ОКАЗАТЬ ПОМОЩЬ СВОИМИ СИЛАМИ,
ИНФОРМИРУЙТЕ БАЗУ».

Третьей шла гравиграмма с Клерены.

«РАДЫ, ЧТО ВЫШЛИ НА СВЯЗЬ. ЕСТЬ ПОСТРАДАВШИЕ. ВРАЧ
ТЯЖЕЛОМ СОСТОЯНИИ. ЖЕЛАТЕЛЬНА ЭВАКУАЦИЯ. НА СТАНЦИИ
СПАСАТЕЛЬНЫЙ КАТЕР. МОЖЕМ ВСТРЕТИТЬ ОРБИТЕ».

В следующей гравиграмме Клерена сообщала данные для корабля о месте и времени встречи, затем возник текст, имевший прямое отношение к Павлышу:

«... ВАШ ЗАПРОС СОСТОЯНИИ ОСТАЛЬНЫХ ПОСТРАДАВШИХ
СООБЩАЕМ: СПРАВИМСЯ СВОИМИ СИЛАМИ. ПРЕДЛОЖЕНИЕ
ПРИСЛАТЬ ВРАЧА ПРИНИМАЕМ БЛАГОДАРНОСТЬЮ. РАБОТАЕМ
СЛОЖНОЙ ОБСТАНОВКЕ. ДОКЛАД ПРИШЛЕМ КАТЕРОМ».

Капитан увидел, что Павлыш дочитывает последнюю гравиграмму.

– Извини, – сказал он, – что не разбудил сразу. Решили, что не откажешься. Подарили полчаса сна – царский подарок.

Павлыш кивнул.

– Но, впрочем, отказаться не поздно...

– Если сомневаешься, – вмешался Бауэр, – я с удовольствием тебя заменю. Я даже больше похож на доктора. Для этой роли ты выглядишь слишком легкомысленно.

– Когда randevu с катером? – спросил Павлыш.

– Сегодня вечером. В двадцать двадцать.

– А характер ранений доктора... и что там за сложности?

– Через полчаса снова выйдем на связь. Милош справится здесь без тебя?

– Он летом проходил переподготовку. К тому же у нас хорошая аппаратура и связь с базой – всегда можно получить консультацию.

– Я так и думал, – сказал капитан с облегчением.

– Сколько я там пробуду? – спросил Павлыш.

– Месяца два, – предположил капитан. – Если будет плохо, придется сворачивать станцию.

2

Как только сообщили, что катер поднялся с планеты, Павлыш поспешил к переходнику. На то, чтобы выгрузить раненого и взять Павлыша, было отведено шесть минут. Бауэр шел сзади, катил контейнер с медикаментами и вещами, нужными на станции, и вслух завидовал. Следом вышагивал Милош и повторял, как урок: «Второй ящик слева, в правом углу...» Он не столько опасался, что забыл, как лечить, страшнее забыть, где что лежит.

– Он тебе поможет, если что, – успокоил Павлыш, не оборачиваясь.

– Кто?

– Твой пациент. Он же медик.

... Когда люк отошел в сторону и два человека в потертых, голубых когда-то комбинезонах вкатили носилки, Павлыш с первого взгляда понял, что этот пациент еще не скоро начнет подсказывать Милошу, как его лечить.

В белой массе бинтов была широкая щель – глаза – и узкая – рот. Глаза были открыты и застыли, будто в испуге. Павлыш провел над ними ладонью – показалось, что человек мертв. Но веки среди бинтов дрогнули, человек заметил жест Павлыша.

– Ничего, – произнес он тихо, – ничего...

Капитан наблюдал эту сцену с мостика, по телесвязи. Он понял, что Павлышу трудно ступить в проход к катеру и оставить больного...

– Иди, Слава, – велел капитан. – Если надо, вызовем базу.

Носилки стояли в проходе. Люди, вкатившие их, ждали.

– Там... – начал доктор с Клерены. Он был в сознании, но говорить ему было больно, а удерживаться в сознании невероятно трудно. Он будто цеплялся за край действительности, висел на нем, держась кончиками пальцев, хотел сказать что-то важное...

– Пошли, – поторопил один из людей с планеты. Он был очень велик ростом. – А то не успеем.

– Тут письмо. – Второй человек, ниже и, видно, очень худой – комбинезон на нем висел, – протянул Милошу большой синий конверт. – Мы только это успели подготовить. Здесь отчет и данные наблюдений.

Милош взял конверт, но вряд ли сообразил, что делает. Бауэр отобрал конверт у него.

Павлыш положил руку на плечо Милошу.

– Приступай, – сказал он.

Раненый был без сознания.

3

«Наверно, эти люди сильно устали, – размышлял Павлыш. – Или я им не понравился». Катер вошел в высокие облака. Громоздкий человек управлял машиной. Он был сказочно грязен. И хоть второй человек, худой, тоже был сказочно грязен, все-таки, если устраивать между ними соревнование, выиграл бы пилот. Павлыш подумал, что не иначе как у пилота на планете есть коварный враг, который утром окунул его в болото. А может быть, у них нет воды и при этом разбились все зеркала.

Словно догадавшись, о чем размышляет новый доктор, пилот обернулся.

– Дикое зрелище, правда? – Голубые глаза на буром лице казались фарфоровыми.

Павлыш не посмел оспаривать его мнение.

– Мы не познакомились. Я Джим, – представился громоздкий пилот.

– Лескин, – отозвался другой. Он полулежал в кресле, закрыв глаза.

– Владислав Павлыш, Слава. – И тут же Павлыш подумал, что поспешил приглашать собеседников к интимности в общении.

– Доктор Павлыш, – произнес Лескин. – Что ж, очень приятно.

– Что с больными? – спросил Павлыш.

– Разное, – ответил пилот Джим. Лескин снова закрыл глаза. – У Леопольда сломана нога. У Татьяны-большой лихорадка. У остальных – что придется. На вкус, на цвет товарища нет.

– А у вас? – сразу перешел к делу Павлыш.

– У меня? – Пилот в затруднении повернулся к Лескину, но поддержки не получил. Тогда он опустил штурвал и закатал выше локтя рукав. Там обнаружился глубокий, еще не заживший шрам, словно по руке ударили топором. – А лихорадкой я уже два раза болел, – поспешил он успокоить Павлыша.

– Джим, не запугивай доктора, – сказал Лескин. Голос у него был высокий и чуть капризный.

– Как спустимся, я вами займусь, – пообещал Павлыш. – Через два дня и следов не останется.

При этих словах Лескин окончательно проснулся и проговорил назидательно:

– Вы нетактичны, молодой человек. Стрешний – замечательный врач.

– Я не хотел поставить под сомнение...

– А я повторяю, что Стрешний – отличный врач и делал все, что было в человеческих силах. Вы же, не зная наших условий...

Павлыш хотел было огрызнуться, потому что считал себя тоже неплохим врачом, но сдержался. Лескин, вернее всего, ревновал. Стрешний был его другом. А Павлыш выступал в роли безусого лейтенанта, которого прислали во взвод, где вчера ранили любимого командира.

У Лескина было длинное мятое лицо с мягким, обвислым носом, но большего никак не разберешь: лицо разрисовано грязью, словно у индейца, вышедшего на тропу войны.

– Рация у нас слабенькая, – провел отвлекающий маневр пилот Джим, который явно был человеком миролюбивым, что вообще свойственно гигантам. – Экспедиционная, второй вариант. Мы уж так обрадовались, что вы к нам идете. Очень боялись, что доктор не выдержит. А этот юноша вместо вас – толковый?

– Он третий механик, – объяснил Павлыш. – По второй специальности – хирург.

Павлыш не стал делиться с новыми знакомыми своими сомнениями и тревогами.

4

Катер замер. Кресло снова прижалось к спине. Павлыш нащупал на груди пряжку. Лескин протянул руку в серой перчатке, чтобы помочь. Пилот Джим уже поднялся и опустил штору на пульт.

– С приездом, – произнес он. – К счастью, моросит...

Рядом с ним Павлыш чувствовал себя недомерком.

Лескин подобрал сумку Павлыша.

– Не спешите, – сказал он, – нас встретят.

В дверь постучали. Три раза. Джим пробрался назад, чтобы открыть грузовой люк. Лескин поторопил:

– Не задерживайтесь.

Павлыш шагнул через порожек, и Лескин, поддерживая его под локоть, настойчиво, словно хотел посеCRETничать, потащил к вездеходу, стоявшему в трех шагах от катера. Люк вездехода был распахнут, перед ним стоял мальчишка, измазанный, как и остальные, глядел на небо и не обратил на Павлыша никакого внимания. Джим вытаскивал контейнер, Павлыш хотел было ему помочь, но здесь это было не положено – Лескин втолкнул его в вездеход, в обычный экспедиционный вездеход, обжитой, словно дом.

Джим и мальчишка вталкивали в люк громоздкий контейнер, и это было непросто. Они спешили. Лескин уселся у открытого верхнего люка, глядел наружу и молчал.

Когда погрузка окончилась, маленький водитель обернулся к Павлышу и сказал глубоким, красивым голосом:

– Здравствуйте, доктор. Я Татьяна-маленькая.

Павлыш представился, еле удержавшись от желания сообщить, что никогда еще не видел столь грязной женской физиономии.

Татьяна-маленькая уверенно уселась на место водителя и рванула так, что Павлыш чуть было не врезался головой в контейнер. Он подумал, что не успел даже заметить, какая здесь погода. Вездеход подкидывало на ухабах. Они не удосужились сделать дорогу.

5

Вездеход проехал ровную площадку и резко остановился. Свет за иллюминаторами изменился. Стал теплым, желтым.

– Вот и приехали, – обрадовала Татьяна.

Павлыш отметил, что его спутники сразу расслабились, словно напряжение, владевшее ими, исчезло.

– Помогите подхватить контейнер, – сказал Джим. – Обидно будет разбить что-нибудь, когда мы уже приехали домой.

– Там, кстати, селедка, – сообщил Павлыш. – И черный хлеб.

– Селедка, – сладострастно произнес Джим. – Я сам понесу ящик, как скупой рыцарь свой любимый сундучок.

Татьяна открыла люк, и никто не мешал Павлышу выйти первым.

Вездеход стоял в гараже, сооруженном надежно, как крепостной бастион. Двери были закрыты. Гараж освещен ярко, и с первого взгляда видно, что он удобен и даже уютен, как бывают уютны рабочие кабинеты или мастерские, хозяева которых не заботятся о впечатлении на окружающих, а просто живут здесь и трудятся.

Перед вездеходом стояла тонкая женщина с короткими, легкими, вьющимися темными волосами, которые опускались челкой на лоб. У нее было маленькое лицо с острым подбородком и большими глазами, с губами полными и чуть загнутыми кверху в уголках. Она гляделась принципиальной чистюлей – ни на комбинезоне, ни на лице, ни на узких ладонях не было ни пятнышка грязи. С водой здесь в порядке, отметил Павлыш.

– Доктор Павлыш? – спросила она, но не стала ждать ответа. – Здравствуйте. Меня зовут Нина Равва. Я начальник станции. Вы будете жить в комнате, где раньше жил Стрешний. Отдохните, потом пообедаете с нами.

– Спасибо, – ответил Павлыш, поборов соблазн подчеркнуть, как приятно встретить чистого человека.

Что-то загрохотало по крыше, словно на нее рухнул камнепад. Задрожали лампы. Одна из них лопнула, и посыпались осколки.

Все замерли, ждали. Камнепад продолжался.

– Что это? – спросил Павлыш, но никто не услышал.

– Пошли! – крикнул Джим. – Он теперь не скоро уgomонится.

– Сколько раз я говорил, – напомнил Лескин, – чтобы покрасить крышу в зеленый цвет.

– Надо бы... – начала Татьяна-маленькая, но Нина ее перебила:

– И не думай. – Они друг друга отлично понимали.

Павлыш обратил внимание на широкую полосу пластыря на лбу Татьяны и, когда та проводила его до комнаты, предложил ей:

– Если у вас царапина, загляните ко мне, а то загноится.

– У меня почти зажило, – ответила Таня, но Павлыш не поверил.

– И вообще, шрам украшает разведчика. Совершенно не понимаю Нину, которая даже челку отпустила, чтобы никто не видел, как ей дракон по лбу полоснул. Хорошо еще, что глаз цел.

Они остановились перед дверью.

– Заходите, – сказала Таня. – Здесь жил Стрешний. Только ничего не перекладывайте на столе. Доктор вам этого не простит. Он аккуратный.

6

– Обед через полчаса, – известила Татьяна. – Мы проходили мимо столовой. Третья дверь от вас. Запомните?

– Спасибо, а где госпиталь?

– Вам все Нина расскажет. Вы за больных не беспокойтесь. Если бы дело только в них, мы бы вас не звали. Будут другие, – закончила она убежденно и тут же переменила тему: – В шкафу вещи Стрешнего. Вы можете пользоваться. Он не обидится. Там накомарник и так далее.

Татьяна исчезла.

Оставшись один, Павлыш решил переодеться. Он прибыл в синем повседневном мундире Дальней Службы и походил на попугая среди воробьев. Он распаковал сумку, достал мыло, щетку. По раковине суетливо бегали маленькие насекомые, похожие на черных муравьишек. Павлыш смыл их струей воды, умылся, потом подошел к окну. Сквозь решетку был виден склон холма, на вершине которого и стояла станция. По склону, убежавшему вниз, к лесу, рос мелкий кустарник, среди которого поднимались редкие коренастые деревья. А дальше, до горизонта, тянулась скучная серо-зеленая равнина. Далеко, в дымке, можно было разглядеть еще один холм. Километрах в трех по равнине текла река, отражавшая светлые сизые облака, полупрозрачные, пропускавшие солнечный свет, отчего все предметы отбрасывали легкие расплывчатые тени, а сами оставались бесплотными и невесомыми. Площадка перед станцией была пуста, лишь у края ее, над столбом с каким-то прибором, вился рой насекомых.

В келье оставались следы пребывания Стрешнего. На столе лежали книги, разрозненные листки, кассеты. В углу валялся свернутый грязный комбинезон. Но койка была аккуратно застелена.

Среди бумаг на столе лежала толстая книга в зеленом переплете. Павлыш открыл ее. Доктор оказался консерватором. Он не только вел дневник, но вел его от руки. Почерк доктора показался Павлышу легким для чтения, буквы округлые, каждая отдельно.

Глаза помимо воли побежали по первым строчкам:

«Мой дневник не может представлять ни научной, ни литературной ценности. Скорее это средство организовать собственные мысли...»

Павлыш захлопнул дневник. Никто ему не давал права читать его.

Тут Павлыш понял, что уже прошло сорок минут. Нехорошо. Все, наверное, собрались в столовой, новый человек на далекой станции – событие, придется отвечать на обязательные вопросы, а ведь далеко не всегда знаешь, что нового в Большом театре и закончена ли шахта на Луне. Павлыш взглянул в зеркало. Доктор должен подавать пример окружающим – подтянут, выбрит, аккуратен. И тут раздался взрыв.

Станция содрогнулась. Кто-то побежал по коридору. И стало тихо.

7

Столовая была пуста. Люди покинули ее в спешке – чистые тарелки стояли на столе, из-под крышки кастрюли поднимался пар, стулья отодвинуты, один из них упал, и никто не удосужился его поднять...

– Ох уж эти тайны, – в сердцах пробурчал Павлыш, ставя стул на место. – Загадки, тайны и летучие голландцы. Сейчас окажется, что я здесь один. Остальные исчезли в неизвестном направлении.

Собственный голос прозвучал неестественно, и Павлыш осекся. Он постоял несколько секунд, прислушался, потом покинул столовую и пошел по коридору к выходу, к гаражу.

Станция была невелика, но казалась обширной из-за множества дверей, закоулков и тупичков, лабораторий, складов и комнатушек неизвестного назначения. Потыкавшись в двери, Павлыш остановился перед дверью побольше других, которая, как ему показалось, вела в гараж. Дверь была закрыта изнутри на основательный самодельный засов. Павлыш с трудом отодвинул его. Ошибка: оказалось, что дверь вела прямо на улицу. В лицо Павлышу пахнуло теплым влажным воздухом, наполненным жужжанием насекомых. Павлыш сделал шаг наружу, и тут его грубо схватили за плечо и рванули назад.

Лескин закрыл засов.

– Вы с ума сошли? – спросил он бесцеремонно.

– Извините, – ответил Павлыш, – я еще не освоился с обычаями.

– Если будете так осваиваться, недолго здесь проживете, – сообщил Лескин.

К удивлению Павлыша, он был умыт и оказался вполне респектабельным человеком лет пятидесяти, с лицом, изборожденным глубокими морщинами, словно природа использовала для их изготовления не резец, а стамеску.

– В лучшем случае напустили бы полную станцию комаров, – продолжал Лескин. – Перезаразили бы всех лихорадкой. Себя в первую очередь. И не обижайтесь. Привыкнете. Тоже при виде открытой двери будете впадать в ужас. Вы столовую искали?

– Нет, – ответил Павлыш. – Обедających.

– Обедających в гараже. Обед задерживается. А я вас искал.

Дверь в гараж оказалась совсем рядом.

– Заходите, – сказал Лескин уже мирно. – Сейчас они вернутся.

Гараж был пуст. Вездеход исчез. Лескин прислушался и поспешил к рубильнику у ворот гаража.

– Не пугайтесь, доктор, – предупредил он.

Павлыш не знал, чего ему следует пугаться, и на всякий случай сделал шаг к стене.

В расступившихся вратах гаража показался тупой лоб вездехода. Вездеход полз медленно, с достоинством, как лесоруб, возвращающийся домой с добрым бревном. Так же торжественно вездеход пересек гараж и замер, уткнувшись в дальнюю стенку. На буксире он приволок громадную серую тушу, с которой свисали два черных лоскута, каждый с парус фрегата.

На фоне белого прямоугольника ворот прыгали две человеческие фигурки. Они вели себя как куклы в театре теней, размахивали ручками, суетились. Нечто большое и темное застило на мгновение свет, и тут же затрещали выстрелы. Кто-то поднял рубильник, дверь закрылась и словно отрезала шум и суматоху.

– Все здесь? – спросила Нина. Лицо ее было закрыто чем-то вроде чадры. Она держала в руке пистолет.

– Все, – ответил Джим, спрыгивая с вездехода. – Я пересчитал.

Татьяна-маленькая подошла к серой туше, поставила на нее ногу.

– Магараджа Хайдерабада и убитый им тигр-людоед. Где фотограф?

– Не паясничай, Татьяна, – сказал Лескин. – Может, он еще живой.

– Ни один тигр не уходил живым от выстрела молодого магараджи, – возразила Татьяна.

Татьяна где-то потеряла пластырь. Весь лоб у нее был в крови. Павлыш отметил это, но в тот же момент ноги поднесли его к чудищу, распластанному на полу. Это оказался дракон. По крайней мере, другого слова Павлыш не смог подобрать. Голова была не меньше метра в длину, поблескивали желтые зубы, стеклянные глаза угрожающе пучились, а черные паруса оказались крыльями.

Так вот кто виновник бед и несчастий, поверженный и побежденный.

– Вот такая птичка-невеличка, – произнес Джим, подходя к Павлышу. – Не приходилось раньше встречать? Размах крыльев – пятнадцать метров.

– Не дай бог, – ответил Павлыш. – Я не стремлюсь к таким знакомствам.

Рядом с Павлышом стоял невысокий лысеющий человек с полным добрым лицом.

– Это он вас преследовал? – спросил Павлыш.

– Преследовал? – Сосед Павлыша мягко улыбнулся. Словно ему понравилось, как звучит это слово. – Преследовал. Как мягко сказано. Будто девушку преследовал настойчивый поклонник. Нет, он на нас охотился. – Человек неловко опирался на палку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.